

Эльчин
Сафарли

...Нет воспоминаний без тебя

...иногда это больше, чем то,
что у меня есть

«Так по-настоящему о любви никто не писал...»

MOM Journal

Эльчин Сафарли ...нет воспоминаний без тебя (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=248522

Эльчин Сафарли ...нет воспоминаний без тебя: АСТ, Астрель; Москва; 2010

ISBN 978-5-17-062397-6, 978-5-271-25423-9

Аннотация

«В этой книге любви больше, чем страниц.

Грустной, радостной, отчаянной, вдохновляющей.

Такой, какая она вокруг и внутри нас.

Если вы любите, то продолжайте любить, не вчитываясь в ее содержание.

Если вы одиноки, то помните, что любовь порой не очень заметна, но она повсюду.

В вас и в них тоже...

В любом случае не переставайте верить в любовь, даже если моя книга не убедила вас в ее силе». (Э. Сафарли)

Содержание

...нет воспоминаний без тебя	4
Любовь со дна Босфора	27
Пролог	27
Часть I	30
1	30
2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Эльчин Сафарли

...нет воспоминаний без тебя

...нет воспоминаний без тебя

Повесть

...Перед вами осколки зеркала, в которых отражается изменчивое лицо любви. Вглядываясь в него, вы поймете, что не одиноки в своих чувствах.

Марта Кетро

Влюбленные люди поклоняются фотокарточке. Они стоят на коленях перед платком. Они отправляются в путешествие, чтобы взглянуть на стену дома. Что угодно – лишь бы раздуть те угольки, которые одновременно и согревают, и обжигают их...

Питер Хег

Однажды девушка влюбилась в юношу из далекой страны. И вот когда пришел приказ ехать ему на Родину, она обвела на скале контур тени своего возлюбленного, чтобы всегда помнить, как он выглядел в последний день, когда они были вместе.

Чак Паланик, «Удушье»

...сердце может быть пустым, но не мертвым, и я, потеряв свою маленькую любовь, обрела целый мир, и он будет жить для меня, и я растворюсь в нем, я буду любить его весь, с его грязью, ложью, играми, со всеми его людьми, чужими мне, чужими друг другу, такими же несчастными, счастливыми и запутавшимися, как я!

Мария Мур

посвящаю Ей

и всем тем, кто так и не привык к московским пробкам

Старый потрепанный ежедневник.

Дневник девушки.

Записи неровным, улетающим почерком. Синей ручкой.

Только первые несколько строчек красным фломастером.

Надписала, видимо...

—

Домодедово. Ожидание. Страницы дневника в обратном порядке. Читаю и думаю, где упустила. И совсем не думаю о том, в чем победила. Снова проношу через себя нашу маленькую историю, наверное, все же большой любви. Никаких новых ощущений. Может, из-за того, что я все еще нахожусь в ней? Значит, она не закончилась?..

* * *

Дождавшись зеленого благословения светофора, галдящая толпа вступает на зебру, спешит перейти на противоположную сторону дороги. Все почти бегут, а я останавливаюсь на пятой полоске-середке, запрокидываю голову. С ванильного неба сыплются белоснежные пушистики, и мне становится так хорошо, что даже конец света кажется делом, еще поправимым. «Эй, тормоз, двигайся!» – под аккомпанемент сигнального рева гонит меня хамоватый водитель. Пора научиться жить жизнью. Время фантазийных альбомов-раскрасок осталось позади...

* * *

Прошное затаило дыхание на кончиках моих пальцев. Учусь жить в настоящем настоящим. Я поливаю свое миниатюрное лимонное деревце и разбираю полную сумку спутавшихся целей. Не знаю, что будет дальше, но знаю, чего хочу. Я иду вперед, но у меня нет ни направления, ни заряженных батарей, в голове одни вопросы, а в глазах – неумолимость арабского скакуна. И мне нужно любой ценой заполучить приглашение на праздник жизни...

* * *

Я пытаюсь поймать время, остановить его, сжать в объятиях, но все тщетно. Оно улетает, уносится. Хвастливо улыбается с высоты, гордится своим превосходством. И я понимаю, что время, по сути, такое же неудержимое, как любовь. А любовь, как и время, невозможно запрятать глубоко, надолго – все равно прорвется, все равно заявит о себе. Вознаградит или обожжет...

* * *

Он.

Он появился тогда, когда рассвет в моих днях просыпался поздно, с опозданием на пригоршню часов. Все вокруг вдыхали свежие надежды утра, а я все еще не выключала свет в спальне, сидела у окна, пыталась разбудить сонное небо горячим кофейным паром. Появился без предупреждения. Открыл дверь невидимыми ключами, протер заснеженные ботинки у входа, вдохнул аромат стойкости в полуразрушенную хибару моих отчаяний и – остался. Он не спрашивал разрешения, я не настаивала, приглашая. Я вообще не приглашала. Он просто остался, а я осталась вместе с ним.

Мы вели жизнь-наоборот, жизнь-протест. Спали на полу, мыли головы над унитазом, ужинали на балконном морозе, спорили в лестничных пролетах, целовались на плечах подъездов, смешивали и взбалтывали Миллера с Прустом, а остывший кофе – с теплым киселем, появлялись на остановках наперекор расписанию, мечтали о вероятностях, но не стечениях. Я не подчинялась ему, он не верховодил мной. Мы жили как два взрослых персидских тигра, помещенных в одну клетку московского зоопарка, которые на удивление легко сошлись. Тоже без выяснения ролей, притираний. Им (то есть нам, но мы были какими-то не своими, новыми, так что хочется говорить в третьем лице) было хорошо вместе...

Мы не царапали друг друга, не огрызались, демонстрируя свои характеры, сформированные в других сообществах, ареалах, континентах, случаях. Мы пришли друг к другу такие уставшие, изможденные, – нам хотелось простых наваристых щей на прогретой кухне, а не пафосного выебона из серии «специально пропущенные звонки». Хотелось настоящего завтра, вне обязательств. Проснуться в мягком сплетении собственных тел и сказать друг другу засохшими спозаранку голосами: «Время вставать, любовь моя...»

Мы стояли с ним в пробке на Дмитровке, провожали взглядами громыхающую по мосту электричку, и где-то в подворотнях сознания оба задавались вопросом: «Во что верить?» Задавались и совершенно без сожаления понимали, что ответа на этот вопрос (как, в принципе, и на все остальные) не знаем. Может, это было время такое – отсутствия ответов на вопросы? Лучшее время. Оно бывает. Поверьте. Оно нужно. Опять-таки поверьте.

Мало говорили, больше чувствовали, дополняли молчание прикосновениями. Нет ничего красноречивее безмолвных прикосновений. Вечерами мы ели какую-то банальную стряпню и смеялись с неистребимой легкостью. Уплетали подгоревшие в забытье страсти голубцы. Самые вкусные голубцы на свете, приготовленные пусть и по самому ошибочному рецепту...

Послать на фиг обстоятельства – удалось. Мы ничего не делали для этого, ничего конкретного. Оставались собой, свободными и несгибаемыми. Да, прежде были в наших жизнях мгновения, когда сильно хотелось отправить всё-всё куда подальше и выписать себе по каталогу другую жизнь, но желания шли наперекор необходимости. С желаниями всегда так: нужно сохранить силу, не переставать желать. Правда, мы получаем многое тогда, когда оно нам уже не нужно.

Сейчас же наша благодарность распространялась даже на эти жизненные опоздания, которые зачастую сбивают нас с толку, замедляют ход, задерживают воссоединение мостов. И «спасибо» это было такое искреннее, немое, рожденное в глубоком внутри.

Лично я произносила его тогда, когда засыпала в пространстве между его рукой и боком. Где-то прямо по курсу ворчал телевизор, как всегда забытый нами включенным, в районе прихожей гулками стенами общались трубы, а мне было так хорошо, что я поднимала взгляд сквозь три этажа над нами и благодарила того, кто живет в бесподобном космическом одиночестве там, где заводь облаков. И в этом «спасибо» не было нечаянного страха потерять-лишиться-потратить-проиграть. Только абсолютное доверие мгновению и полное отсутствие планов на послезавтра. Так правильнее. Было. В тот момент...

* * *

Любовь – прежде всего свет. А потом – все другое. Невозможно жить в комнате без света. В ней можно только существовать – в светлое время суток. Долго существовать – неделями, месяцами, годами. Укладываться днем с частью дел, а вечерами – обходиться фантазиями, провожать-продавать дни в самообмане, пока не припрет к стенке оно, ненавистное одиночество.

Мы живем в поисках света. Мы рождаемся ради света. И не надо про то, что любовь – это не свет. Без любви темно даже с самыми мощными лампами...

Я больше не передвигаюсь по ночным параллелям на ощупь. Я могу уверенно ходить с закрытыми глазами – хотите, продемонстрирую? Мне больше не нужно небо для освещения выбранного пути. Теперь я бескорыстна по отношению к нему. Теперь я ценю небо не за источаемый свет. Ценю его за то, что оно просто есть: близко. Рядом. Или сверху – как лучше сказать?..

Он принес в мою жизнь тот самый свет, который согрел, осветил меня. Это не просто слова из девчачьих неуклюжих стихов, это не пафос. Так и есть. Свет, который существует физически.

Меня особенно вдохновляло то, насколько мы с ним были реальными. В отношениях недопустима отрешенность. В мимолетных вспышках она еще возможна, но не в отношениях – там она нарушает права другого. Права, которые есть у него на тебя.

Наша реальность началась с того, что я подарила ему на День влюбленных креветочную пиццу в форме сердца, а он мне – лицензионный пакет «Касперского». Прекрасно! Мой компьютер, как и сердце, давно должен был освободиться от лишнего, вылечиться от вирусов и прочих медленных убийц. И мы даже не сказали друг другу *спасибо*, не ахали, не выражали приятное удивление никак. Влюбленные. Ограничились поцелуем и разбежались по нуждам. Он – в душ, я – домыывать посуду. Так и должно быть.

Вы замечали, что хорошие сказки всегда очень короткие? Моя тетя Зинаида всегда твердит: «Надо увлекаться не красивой сказкой, а красивой реальностью». Вот мы и увлекались. Во всяком случае, разукрашивали окружающую нас реальность как умели... Тут и сказочке конец.

* * *

«...Он складывал из льдин и целые слова, но никак не мог сложить того, что ему особенно хотелось, – слово «вечность». Снежная королева сказала ему: «Если ты сложишь это слово, ты будешь сам себе господин, и я подарю тебе весь свет и пару новых коньков»...»

* * *

Выбирай я место своей смерти, не задумываясь, умерла бы у его красивых ног. Чуть кривоватых, в жестковатой сеточке волос, с крупными ногтями на аккуратных пальцах. Они были откровенно мужественные, сексуальные, и эта брутальная естественность рождала во мне дикое чувство собственника. Собственницы. С ним превращалась в животное, натуральную блядь. В постели мы не обсуждали своих желаний – обходились взаимным чутьем. Я с удовольствием делала ему минет, а потом спешила проглотить со смешной жадностью, будто тем самым убеждаясь в его полной принадлежности мне. Я любила его тело. Крепкое, местами рыхлое, волнующе пахнущее новизной, наполненное скрытой силой.

Он брал меня на бачке унитаза, и я не стеснялась сиплых выдохов, отчетливо слышимых соседям сквозь тонкие перекрытия. Он трахал меня в неудобной позе прямо в машине в зарослях областного шоссе, и такого восторга я не испытывала даже на шелковых простынях люксового номера «Кемпинского». В сексе мы ценили свободу. В сексе раздвигали рамки так называемого приличия, создавали законы заново, для нас двоих. Нашими лучшими диалогами были его поцелуи на вдох и мои поцелуи на выдох. Каждый раз под прохладными

струями в душе я прикасаюсь пальцами к следам его губ. Они до сих пор горят на моем теле невидимыми клеймами...

* * *

До его появления я говорила о любви исключительно в прошедшем времени. Как об анахронизме. Вот мне не было ресурса, чтобы поверить во взаимность. Я не жила крайностями, оглядками, воспоминаниями. Никаких самоистязаний – переносила боль на ногах, носила в себе, не давая ей права выйти наружу. Я была слишком гордой, чтобы показывать кому-либо душевный изъяс, свою увечность, но для всех продолжала быть «сильной навсегда».

Только оставаясь наедине с собой, позволяла выйти горечи и тонула в ней, закрыв окна автомобиля. Крик Земфиры в колонках, испуганные метания сигаретного дыма, скользкие ладони на руле, полупустой ночной МКАД, намеренное превышение скорости, взбесившиеся от дождя «дворники». И тот самый Хранитель надо мной. Сейчас понимаю, что если бы не он, я точно не увернулась бы от встречных автомобилей...

Мои поступки того времени не определялись желанием что-либо доказать, себе или другим. Я просто жила чувствами, не задумываясь о необходимости разделения ценностей, осмысления опыта, извлечения наболевшего. Мне нужно было это пережить, чтобы выйти из огня обновленной птицей Фениксом и стать той, кто я сейчас... Как страшно смотреть назад. И малодушие смешивается с гордостью: малодушие – потому что я не смогла бы пройти через свое прошлое снова, а гордость – от того, что я это все-таки сделала однажды.

И я уже приблизилась к долгожданной точке обретения себя, разрушавшейся и возрожденной, бывшей и несбывшейся, когда появился он. Мое счастье из мяса и костей. Так я стала его называть вслед за Мадонной с ее «Little star». Он поцеловал меня в лоб, теплыми руками обхватил, приютил и утешил, увел меня с бесконечных одиноких, темных лестниц. Прижал к себе сильно-сильно и перенес в радостный край, где яркое малиновое платье можно носить даже в самую лютую стужу.

В жизни каждого из нас появляются люди, которые способны отвоевать нас у серых зонтов и недоступных ссылок. Правда, порой мы сами не стремимся к освобождению; привыкли, скрючившись, сидеть в уголке – в размеренности будней, во внезапно ставшей почти добродетелью недоверчивости. Он смог меня вытащить. Наверное, в этом мое самое большое и единственное везение...

Есть сумасшедшая страсть, но нет сумасшедшей любви. Любовь умна. Наши пути сошлись именно в период этого осознания. Мы подошли к чувствам рациональнее, логичнее, если так вообще можно сказать о чувствах. Мы избегали усложнений от лжи, угрызений от подозрений. Распустили клубок из сердечных нитей, проигнорировали поиски общего и личного, исключили из словаря «надо бы» и «скорее бы», отключили таймеры, секундомеры и все, что напоминает о времени и поражении. Мы любили в мгновении с продолжением. Любовь – капризный продукт, и ей так важны условия хранения...

* * *

Иногда я хотела сорваться с места, где стоит он, вплотную ко мне. Казалось бы, зачем убегать от любви, когда она рядом со мной? А это был страх потерять тепло так же неожиданно, как его получила. Заново лишиться самого важного – боялась не пережить... Ужас приближающегося счастья невыразим.

До его появления, слыша стук в дверь, я испытывала искушение закрыть ее на дополнительные замки и не открывать никогда. Мало ли кто там. А я боюсь перемен: особенно страшно, когда они к лучшему. К нему ведь быстро привыкаешь, непроизвольно. А потом, как правило, приходится отвыкать – рано или поздно, мучительно. «Лучше я вообще не буду ждать и к чему-то привыкать...» – решила я как раз тогда, когда услышала скрип открывающейся двери. Без предварительного стука. У него были ключи от моего сердца.

И потом, рядом с ним, впадая иногда в панику, боясь потерять найденное, я успокаивала себя мыслью, что нынешнее счастье пришло не как ответ на мои ожидания. Судьба зачастую отнимает у нас то, чего мы сильно ждали. Но я не ждала его! Неужели я ошиблась?..

Он был немногословен. В нем не было какой-то особой горячности, какого-то интеллигентского надрыва или какой-то мужиковатой хозяйственности. Все поровну, при этом в идеальном сочетании. Щедрый и расчетливый, самоуверенный и отзывчивый, доброжелательный и хладнокровный. И он был настоящий – за это редкое качество мужчины я готова была отказаться от своих первоначальных идей, предпочтений и предубеждений. Он мог пить красное вино с соленой рыбой, забрасывать носки под кресло, за диван. Он вечно ронял, разбивал флаконы моих духов, пил перед сном фильтрованное пиво и не любил стричь ногти. Но даже в этих заурядных, не самых лучших и полезных чертах я видела необычайно милую и притягательную естественность. Отрицательное вообще привлекает больше положительного. Яркое, роковое...

Я любила наши вечера, ожидая их с детским нетерпением. После сумасшедшего рабочего дня встречались в полутемном сквере в районе Белорусской, гуляли меж грозных сталинских домов, пережидая апогей вечерней пробки, обсуждали насущное, а потом садились в нашу крошечную уютную машинку и ехали домой под звуки «Love Radio». По дороге заезжали в «Мосмарт», в обнимку катали тележку по стройным рядам, собирая в нее апельсины, яблочный сок, спагетти, какую-нибудь нарезку, запасались на кассе сигаретами, предвкушая вечер за просмотром самого легкомысленного кино. Нам обоим нравилась эта легкая и прогнозируемая повседневность. Хотя, возможно, все это жутко банально...

Я читала его мысли по складке губ, разгадывала желания по прикуру, по тому, как лежат волосы на его затылке. Если нас на время разлучали обстоятельства, он всегда коротко сообщал: «Тебя не хватает». На что я неизменно отвечала: «Я в тебе. И буду там, сколько скажешь».

Мне не было необходимости перебирать его болевые точки, чтобы знать, куда уколоть, на случай если вдруг он попытается сойти с пути. Ему не нужно было отыскивать мои трещинки на случай, если вдруг я попробую переоформить всю его свободу на себя. Мы стояли откровений друг друга. Часто упрощали то, что с легкостью можно было превратить в пожар ссорами. Да, мы ругались, спорили, говорили лишнее, но делали это как-то легко,

как по обязанности. Как по предписанной роли. Оберегая самое дорогое – целостность личности другого. Не шутили на тему измен, не мучились драматической ревностью, не отягощали настоящее будущим. Все – сегодня. Все чувства даются нам на один день, и в нагрузку – принятие полноценной свободы партнера. Никаких эмбарго, арестов, шпионажа. Нашей гарантией была любовь. Пусть и самый простой из ее видов...

* * *

Порою меня переполняла такая океанически безбрежная любовь к нему, что еще чуть-чуть и я задохнулась бы в волне. Стремглав выскакивала на морозный воздух, прикуривала дрожащими от нежности пальцами «Кент», пытаюсь утихомирить сердце дыханием ноября. Я боялась испугать его своим чувством. Или даже утомить. Такое часто бывает: мы слегка сдерживаемся, не до конца открываем себя, выказывая любовь своей половинке, чтобы та не зазналась. В чувствах хочется быть наравне – всякая неразделенность ранит, всякое превосходство унижает. Если это и расчетливость, то проявляется этот подход неосознанно, на уровне глубинной памяти. Может, это инстинкт самосохранения чувства?!

Если анализировать глубже, если позволить себе опуститься в бездну воспоминаний, то все же я любила его сильнее. Самоотверженнее. Я готова была в самое тяжелое время высушить свои слезы и забыть боль в момент после одной его улыбки, прятать за тяжелыми шторами, полотенцами и одеялами рассветы ради его хрупкого утреннего сна, терпеливо ждать его внимания, утешать, успокаивать, поддерживать. Готова была расстаться со всем и всеми (и никогда не упрекнуть!), лишь бы быть с ним.

А может, я была душой. Но я прятала эту слабость в себе, позволяя думать окружающим, что «повезло телочке, хорошего парня зацепила». Он, к счастью или к сожалению, этим и ограничивался, без претензий, не требуя большего. «Ты рядом. Мы вместе. Больше ничего и не требуется». Я медленно кивала, глядя в глаза, а сама готова была повиснуть на нем, никогда-никогда не отпустить.

В какой-то степени я еще и гордилась тем, что способна на такое огромное, неизъяснимое чувство. В детстве, при всей моей общительности, многие считали меня «сухарем», избалованной и бездушной девчонкой, для которой важнее было уединение со своими драгоценными куклами, чем общение с ровесниками... И вот я открыта, распахнута чувству, равного которому нет на земле. Может быть, как раз потому, что с детства берегла, собирала по крохам самые ценные впечатления, самые красивые слова и звуки, чтобы теперь было что подарить любимому.

Я так ревновала! Но снова – никогда этого не показывала. Хотя был бы он чуть-чуть проницательней, и уловил бы в попеременных шутках-улыбках самую настоящую ревность. Задумываюсь и понимаю, что многие сообщения в памяти автоответчика нашей любви остались не прослушанными. Причем именно я, дура растяпистая, захлопнув ногой дверную дверь, одновременно стягивая шарф и бросая ключи на тумбу, приходила мимо мигающей красной кнопки. Не умышленно. Просто забывалась. За обдумыванием методов конспирации масштаба собственных чувств, признаюсь, забывала об очень важных вещах. Увлеклась игрой одного актера. В театре одного зрителя...

Хоть мы и исповедовали радость свободных отношений, все равно где-то под нашими колесами металась низкая снежная пыль, которая медленно покрывала льдом нашу дорогу.

Ну и что, мы продолжали ехать дальше, элементарно не позаботившись поменять летнюю резину на зимнюю. В итоге нас занесло...

Думать действительно вредно. Задумываться – напротив. Наверное, самое большое наше упущение заключалось в этом. Живя в настоящем, наслаждаясь текущим, мы непроизвольно отпустили руль, предоставив случайности вести нас. Игнорируя последствия неуправляемой езды.

Впрочем, какой-то интеллект у судьбы есть. Она скорее похожа на лошадку, а не на автомобиль. Кстати, мы оба без ума от лошадей. Эй, белогривая лошадка, почему ты нас так подвела? Хотя... Первое, что хочется сделать после осознания своей вины, – это поскорее свалить ее на кого-нибудь другого.

* * *

Женщины способны жить мгновениями, но ни одна из них не способна ими удовлетвориться. Женщины всегда претендуют на большее, хоть и редко говорят об этом. Я не говорю о материальных ценностях. Все, что касается любви, женщина стремится приукрасить, опозитизировать, запечатлеть понадежнее, где можно – удлинить, где можно – растянуть. «Только бы *моя* любовь оказалась настолько же весома, как само это слово!» – один из подзамочных тезисов. Есть и другие, много-много женских страхов и опасений на пороге самого главного в жизни чувства...

Пятничными вечерами я тащила его в «Икею», хотя он-то точно предпочел бы постель. До тихого помрачения разума мне хотелось обживать-украшать нашу с ним двушку. Маленькими шажками, деталь за деталью, без спешки. Радужные пледы с начесом по краям, постельное белье с фантазийными животными, пузатые лампы из красного стекла, всех размеров рамки некрашеного дерева, стулья в оранжевых чехлах, свечки с дурманящими ароматами, ящички для хранения дисков, кружки с хитрыми ручками – это все нам было совершенно необходимо. Я шла вперед по напольным икеевским стрелкам, а он засыпал на стенде со спальным гарнитуром, прижав к животу свой черный классический портфель и безвольно свесив с кровати ноги в модных коричневых ботах.

Столкновение взглядов не высекало колючих искр непонимания. Мы просто смеялись над упрямством друг друга, в котором не было принципиальности. Мы корчили друг другу рожи, тянули друг друга в противоположные стороны. «Друг друга» – сильное звено отношений, рамка-фильтр для двоих, куда не попадает лишнее и незначительное извне. Все у нас решалось в масштабах этого замкнутого и уединенного пространства, хотя и в целом границы мира были условны...

Может, стойкость нашего оптимистического подхода к неприятностям была связана с чертовой опытностью? Уж больно много ран прошлого впечаталось в наши сердца, которые, к слову говоря, не были тронуты каким-то внушительным числом лет. Тогда что? Юные ромашки первой весны? Пофигизм в отместку обстоятельствам?

Нет, нет, нет.

Все снова оказалось слишком прозаично. Неодолимая сила притяжения полярностей – о ней уже писали, рассуждали, пели не раз. Наши истомленные безнадежным одиночеством

сердца просто потянулись друг другу, вдруг заколотившись быстрее в толпе, зомбированной общим ритмом...

Какой бы легкой ни была эта наука о притяжении, мои внутренние проблемы все чаще бурлили в груди красными болезненными пузырьками. Причина – банальна. С человеком, которого безумно люблю, я хотела семьи. Наверное, это я виновата, и это я сделала первый шаг к развилке, у которой мы выбрали разные пути. Оказывается, мы, бабы, вечно все портим своими гребаными ценностями. Такими сугубо женскими идеями о том, какими должны быть отношения, – с главным побочным эффектом мужского побега. Туда, где все проще.

Честно признаюсь, я страшилась рассказать ему о планах, к которым привязывалась все больше, именно из-за боязни, что они никогда не осуществятся. Молча подбирала занавеси для кухни, где мы станем пить чай с вареньем однажды долгим зимним вечером. Молча покрывала его тело сухими поцелуями, не оставляя ни одного местечка, где не было бы моих следов. Молча засыпала, положив голову на внутреннюю поверхность его бедра, чтобы мы превратились в одно большое тело. Чувство неуверенности – пустяки по сравнению с расставанием. Как говорится, сохраняла то, что умела...

Со временем перестала ходить с ним в «Икею». Ходила одна, размеренными субботними утрами. Покупала все самое уютное, привозила домой, прятала на антресоли и тихонько запрыгивала к нему в постель. Он отсыпался и даже не догадывался, что я уходила. Я целовала его грудь и, обнимая, шептала: «Все ради тебя, душа моя»...

* * *

Стараюсь не вставлять в ноутбук желтую флешку с файлами прошлого. Лишь изредка, когда в моем настоящем мимолетно мелькают герои того времени, я начинаю анализировать, что выиграла, что проиграла. Именно «что», без «кому». Мы всегда, чаще всего на подсознательном уровне, сравниваем нынешнее с прошедшим, чтобы сказать самим себе, что справились, пережили и идем дальше, вопреки тому, что больше в нашей руке нет руки *того* человека.

Думая так, я верчу на шнурке флешку, и старые раны ноют, подзуживая подключить ее, пересмотреть картинки, переслушать песни того времени. Останавливаю себя, закидываю прошлое обратно, на место. Лучше заварю жасминовый чай с апельсиновой коркой. Я пила его тогда, когда в окна барабанил дождь, он сладко спал, а я, с ноутбуком на коленях, наслаждалась тихой радостью... Мучаюсь тоской по ушедшему времени. Не тосковать все равно не получается: счастье познается в сравнении. Когда не с чем сравнивать – это тоже беда...

Я не рассказывала ему о жизни «до него», он не рассказывал мне о жизни «до меня». И при этом никаких тайн. Просто мы не считали нужным возвращаться туда, где если бы не стужи, то жили бы лужи. О чем надо было говорить? О людях, которых мы любили, но которые так и не полюбили нас? О людях, которых мы хотели, легко получали и так же легко забывали? У каждого есть своя история, и она ничем не лучше, не хуже истории ближнего. Главное – научиться уважать истории друг друга. Для этого им не обязательно быть рассказанными...

Я не стесняюсь того времени. Мирюсь с каждой совершенной ошибкой, каждой упущенной возможностью, каждым незавершенным делом, каждым невыполненным обеща-

нием. Только parole, parole, parole. Некоторые слова, сказанные вслух, точнее, последовавшие за этим события, мучают годами. Конечно, спустя какое-то время приходит искупление, когда вторая сторона конфликта неожиданно появляется снова на сцене твоей жизни, и тогда удается простить самих себя при самих себе. Но бывают исключения, когда вырвавшиеся в горячей поспешности слова сохраняют актуальность даже спустя много лет после...

С ним нашла успокоение, перестала разделять людей на категории «свои», «чужие», «ничьи» и собирать разбросанные по побережьям света мечты. С ним навсегда ушло время, когда внутри не было счастья – и приходилось искать его вовне. Рядом с ним окончательно обрела себя. Сумела полюбить эпизоды, где есть не только мы вместе, но и мы по отдельности. И для этого нам не нужно было чудес. Все чудеса в обычных днях...

Находясь в командировках, я писала ему из дальних стран самые красноречивые сообщения, получая на них самые конкретные ответы. И нам нравилось это: даже будучи вместе, мы оставляли место своим индивидуальностям. У нас все было не так, как принято. Устраивали друг другу завтраки в постель не по выходным, а по понедельникам. Я готовила для него бутерброды из чесночного хлеба и малосольной форели, а он приносил мне огромный поднос с десятками четвертинок апельсина, которые я с детства обожаю, хотя как раз в детстве наестся не удавалось из-за диатеза.

Я смеялась над его утренней взлохмаченной головой с мятыми волосами на затылке, а он – над урчанием в моем животе по вечерам: чуть услышит и выталкивает меня в туалет, а я ему объясняю, что это только странная реакция организма на противозачаточные таблетки...

Я писала ему: «Все, что связано с тобой, мои чувства к тебе, эмоции, создаваемые тобой, переживания твоих настроений... ощущать это самое настоящее счастье. Для меня», а он отвечал: «Без тебя было скучно и обыденно. И настроение было одно на все сезоны. Так что, моя безумная, все хорошо... Люблю».

По вечерам я стирала его носки руками, и можно не верить, но для меня это было огромным удовольствием. Надевать их на руки, как варежки, намыливать, швыряться пеной и разговаривать за правого и левого дурацкими голосами... Жить другим – это верное сумасшествие. Это и есть самая большая любовная ошибка...

* * *

Любовь. Поток вечно соприкасающихся и расходящихся людей с печальными глазами. Мне безумно трудно поверить в то, что самое сильное из существующих чувств самое недолговечное. Осознание пришло ко мне давно, без огорчения. Но каждый раз, вступая на путь новой любви, я закрываю глаза, мысленно пишу и стираю два вопроса, ответа на которые не знает никто: «как долго?», «как скоро?».

Думаю только о нем, становится легче. Состав любви – мгновения, исключения, грусть светлых оттенков. И как бы человечество ни пыталось изменить-дополнить ее содержание, рано или поздно любовь непременно вырождается снова в одиночество, которое, к слову говоря, делит нашу жизнь на отрезки ожидания самого счастливого праздника из праздников. Любви...

В каком-то из эпизодов внутреннего отчаяния я уже перестала верить в то, что одиночеству придет конец. Ну, не в контексте логического завершения жизни, а в более узком, так сказать, задолго до смерти. Я перебирала рубиновые бусинки допустимых крайностей, реанимировала сердце надеждами, вылавливала в дыхании утра аромат булочек из ближайшей кондитерской, вдыхала ментоловый дым сигарет под носом у московских непогод и продолжала плакать слепыми слезами.

Завидовала тем, кто может отогреться в объятиях одноразовых отношений, спать в одежде по десять часов в сутки, инертно поглощать джанк-фуд без мыслей о зловредном холестерине, выбирать красивую картинку и с легкостью отказываться от душевности. Я не подавляла своих отчаянных тревог, просто не говорила о них. Все хотят и ждут любви, но если все будут кричать об этом, то любовь, из страха быть растерзанной, попросту унесет ноги. Да и не достанется любовь всем жителям дома одновременно – это же не горячая вода или отопление. Если она к кому-то приходит, значит, от кого-то она уходит. Вечный круговорот человеческих потерь и находок...

Придя ко мне, он расстался с той, которая его любила, но которую разлюбил он. Я знала об этом, но не расспрашивала в подробностях. Я как конченная эгоистка ухватила за хвост воздушного змея мечты, взлетела в припудренное снегом небо, застыла там в невесомости поцелуев, не желая опускаться на землю. Но в чем моя вина – в любви мы слепнем ровно наполовину. Перестаем видеть изнанки, оборотные стороны...

Он наматывал мои волосы на руку, страстно искусывал мою грудь и в свете полной луны казался влюбленным вампиром; он шептал: «Я так долго шел к тебе», обещая не отпускать никогда. Я кончала с ним в унисон, вбирала его суть в себя, глубже, сильнее, настойчивее, и верила, точнее, хотела верить каждому его слову, взгляду, проникновению. Я отказывалась признать, что все, что он говорит, делает со мной, может оказаться всего лишь повтором. К тому же черт знает каким по счету.

Я избегала думать, что чувства, переживаемые с ним, я сама не раз уже переживала. Черт знает какой раз по счету. Любовные отношения – как воздушный творожок, уже знакомый вкус которого может быть видоизменен при помощи различных сухофруктов. В этот раз изюм, а в следующий – курага... Такая притягательная фантазия. Бросаемся в нее, зная, к чему все приведет. Вся неопределенность любви заключается лишь в сроках... Либо ты ешь творожок, и он кончается, либо ты медлишь, и у него просто истекает срок годности.

* * *

Может, ты и не был идеальным мужчиной (на что, в принципе, не претендовал). Может, ты и не стал мне верным спутником жизни (к чему, в принципе, не стремился). Может, ты и не будешь ждать меня больше на перепутье троллейбусных путей (за что, в принципе, не борешься). Как бы то ни было, в дурдоме моей памяти ты был и остаешься единственным мужчиной, которому я, вроде бы полноценная женщина, подражала и буду подражать. Ничего смешного, это отнюдь не нонсенс. Любящая женщина часто проникается интересами, всей психикой любимого мужчины, желая создать эффект «истинной половинки». Только почему-то любящие женщины не учитывают, что в сознании мужчины половинка – это не нечто ему подобное, а что-то диаметрально противоположное, более мягкое, спокойное, комфортное, что ли...

Он запрещал мне «подыгрывать», тонко улавливал фальшь, не подстраивал под себя. Он был за настоящие чувства, которые обязательно должны быть высказаны настоящими словами. «Если жена хочет секса, она не должна с намеком закатывать глаза и приторно вздыхать при виде любовной сцены в кинофильме. Мужчинам такие игры невдомек. Неужели сложно посмотреть в глаза и сказать прямо своему мужику: «Любимый, я хочу секса!» О какой гордости может идти речь, когда сдержанность в выражении своих чувств сплошь и рядом приводит к краху?!»

Пожалуй, я не была глупее, однако он не упускал шанса продемонстрировать свое превосходство. Он был уверен в своей уникальности, впрочем, уверенность эта была разумной и обоснованной. В случае необходимости он старался объяснить, но никак не переубедить. Я восхищалась тем, как он держится, беседует, спрашивает, отвечает, выражает недовольство. Как он рассуждает о влиянии финансового кризиса на мировые экономические процессы, а спустя десять минут умело договаривается с ментом, готовым лишить его прав за двукратное превышение скорости.

Я точно стала бы им, если бы не была той, кто я есть. Начала бы говорить его словами и тоже желала бы окружающим, чтоб «все было лучше, чем вы думаете». В нем была дерзкая сосредоточенность на главном, джентльменская щепетильность в деталях, рыцарское благородство в обращении с окружающими и непомерная простота, при всей внешней сложности. Он мог быть естественно свободным, перешагивая за рамки общепринятого, когда находил это необходимым...

Да, любовь моя. Я так и не научилась петь, как ты, «Freedom» (Freedom, that's what I need now, freedom to live), хотя и научилась жить без тебя. Я так и не разомкнула сжатые до белых костяшек кулаки, хотя ты призывал меня жить с пустыми руками, готовыми принимать. Я так и не перестала покупать по четыре яблока раз в два дня, хоть разумнее было бы покупать большой пакет раз в неделю. Разумность мне не понадобилась.

Рядом с тобой я находила редкие закоулки Москвы, не пользуясь картой города. До тебя я была подростком слепым котенком, который научился ходить, но не научился ориентироваться. В жизни... Кажется, после тебя я снова зажмурилась. Но однажды я наконец-то раскрою глаза и увижу, как сверху тоннами темноты опускается ночь. Выдержу, а может, и все пойму...

* * *

Я не отдавала тебя снам, предварительно не поиграв их цветными камушками в ладонях, не обогрев тебя собой. Ты же был по вечерам таким трогательным зябликом! Хотя до декабря не поддевал под куртку ничего, кроме футболки. Но дрожал ты именно перед сном, в прохладной постели, накрывшись с головой белым одеялом. Я прижималась к тебе плотнее. Водила пальцем по тронутому пушком животу, целовала кудри из черного шоколада, а ты засыпал, блаженно вздыхая и не снимая левой руки с моей груди. Я все смотрела на тебя, неописуемо красивого мужчину с ресницами-полумесяцами, временами бросая взгляды в окружающую темноту. Боялась увидеть пропасть, которая разевает пасть рядом с любящими людьми, как правило, на самом пике их любви. Бездну, которая бурлит заразным недоверием, ранящими осколками обид, призраками прошлого. Боялась пропустить появление первых трещинок – пока они не разрослись, их надо успеть зашпаклевать...

Мои тревоги не были беспочвенны. Конечно, в них было изрядно простого желания перестраховаться. Однако дно любых человеческих отношений усыпано галькой, которая кажется безобидной, но с легкостью оборачивается подводными камнями, – я это уяснила из прошлых опытов. Поэтому я хранила бондовскую бдительность, предпочитая не пытаться затейливыми вопросами, не протягивать пытливые взгляды через обеденный стол. Проблемы нужно решать в голове, по мере их появления...

Мало говорили дома. Настоящее общение разворачивалось в пробках. В тесноте журчащих автомобилей мы расписывали грядущие выходные, беседовали с друзьями по громкой связи одного из мобильных, заказывали билеты на концерт Катамадзе, целовались в мельтешении уставших дворников и плюшевых снежинок, искали решения бытовых проблем, ругались в попсовой заглушке «Катя, возьми телефон», по очереди отлучались на заднее сиденье, чтобы пописать в пакеты «Перекрестка», «Библио-Глобуса», «Бюстье» и другие, отыскавшиеся в салоне.

Он утверждал, что в нашей любви невозможен разлад. «Слишком реальны наши отношения, без книжной романтики. Партнерство...» Я внушала себе это целыми днями, добавляя, правда, что и романтика между нами есть, просто она тоже реальная... Он вслух мечтал, как в будущем у нас будет ребенок. «Стать отцом убедила меня ты, сама того не зная. Должен признаться, я в общем-то не лажу с детьми... Но у женщины с таким сердцем, как твое, и с таким умом, как у тебя, да еще плюс мой! – обязательно родится гений...» Я, счастливая-счастливая, целовала его в шершавый подбородок со словами: «Твое сердце ничуть не хуже моего, а может, и лучше»...

Глядя на него спящего, с жадностью охватывая взглядом родные черты, шрамы, выступы и впадинки любимого лица, я понимала, что именно таким я представляла себе своего сына (почему-то я всегда мечтала о мальчике, а не девочке). Он был бы таким открытым, настоящим и чуточку сумасшедшим. Я родила бы ребенка от любимого и любящего мужчины. О большем мечтать мне не хватало фантазии... Что, даже и эта простая мечта обернулась недостижимой?..

* * *

Ты разогревал продрогшую за ночь машину, а я выводила пальцем сердце-мишень на заснеженной глади лобового стекла. Ты мило возмущался, отрывисто сигналил. «Родная, мы на работу опаздываем, садись давай... Лучше сам расчищу...» Я отвечала улыбкой на упреки, всматриваясь в сонно-угрюмое зимнее небо. Снежинки белоснежной сажеей опускались на Москву, из каменной трубы дворовой котельной вываливались клубы густого пара, разноцветные кошки сидели на ступеньках второго подъезда, ожидая резкой ноты распахивающейся двери и появления тети Любы, щедрой кормилицы мохнатых беспризорниц.

Я слышала, как мое счастливое сердце шепчет легкому ветерку утреннее приветствие, и понимала, что готова взлететь по этому свежему ванильному воздуху туда, где самолеты упираются носами в невидимый предел, а рассвет скупает по заре. Натягивала до носа желтую шапку с оранжевым бубенчиком и, наслаждаясь протяжным скрипом снега под своими угами, ныряла в автомобильное пространство, где почему-то всегда пахло только им, хоть и я тоже была постоянным пассажиром. Мне не обидно. Я любила этот запах. Вдыхала с жадностью, как отменную кубинскую травку. В нем были ноты light-сигарет, нежного и резкого одеколона Нурnose, обволакивающей защищенности, мужественного простора и земляничных леденцов, разбросанных по салону.

Как только мы выезжали на трассу, навстречу осточертевшим пробкам, он, придерживаясь ритуала, просил прикурить ему сигарету. Первую сигарету нового дня. И я, вытащив из бардачка пачку «Winston», обыкновенно подолгу искала зажигалку, которая привычно затерялась в недрах сидений. В процессе копошения я смеялась, ойкала-ахала, успевая подпевать какой-то попсовой шелухе из радио, а он поглядывал на меня, улыбался кончиками губ, называя «самой красивой растеряхой».

Спросите: что я больше всего любила в этой жизни? Отвечаю: будни. Их начала и концы, их победы и поражения, их потери и приобретения. В них не было даже претензии на уникальность. Все привычно, как у многих. Но самый важный смысл этих будней заключался в том, что мы встречали-проводжали дни вместе...

Моя любовь к нему граничила с признательностью. В режиме нон-стоп хотелось говорить «спасибо». За то, что он снова научил меня смеяться, завел мои душевные механизмы, возродил волю к жизни, вытащил на поверхность океана, где, как оказалось, вечное лето, в воздухе разлита нежность, а заря расцветает карамельными самоцветами. И каждый раз, отвечая на его поцелуи, я выдыхала бесконечную череду из семи звуков. «С», «П», «А», «С», «И», «Б», «О». Он ничего не отвечал. Лишь крепче прижимал к себе, пряча от полоски лунного света, проникающей в нашу спальню сквозь не до конца зашторенное окно...

* * *

В дневнике я пишу, будто обращаясь к аудитории, которой нет, да и откуда ей взяться. Что же это? Раздвоение личности? «Диалог по душам»? Желание рассказать еще кому-то, кроме себя? Желание быть услышанной?..

* * *

Я очень люблю аэропорты. Место свершения судеб. И каждый раз, вне зависимости от того, в аэропорту какого города я нахожусь, я вспоминаю слова из «Реальной любви». Под них провожаю самолеты, стоя перед окном зала ожидания. И мне хочется верить, что все, кто улетает, летят навстречу своему счастью. Пусть летят...

*«Согласно общему мнению, мы живем в мире ненависти и алчности. Но я не согласен. Мне кажется, что любовь повсюду. Зачастую любовь не очень заметна и торжественна, но она повсюду: отцы и сыновья, матери и дочери, мужья и жены, любовники, любовницы, закадычные друзья. В телефонных звонках из башен-близнецов, в которые врезались самолеты, не было ненависти или мести, только признания в любви. Если присмотреться, возникнет подозрение, что **love actually is all around**» (любовь повсюду).*

Так и есть.

* * *

Вели обычную жизнь, но отключиться от ее чрезмерно материальной стороны с трудом удавалось. Если бы мы вникали в суть всех окружающих нас проблем, то давно лишились бы отваги на пути их постепенного преодоления. Старались наслаждаться мгновени-

ями-благовониями, вырезать мысли-жилки, лечить сердечной мякотью загрубевшие губы. Уж больно дорого достались друг другу. Чего бы мы ни пожелали в жизни, ничто не дается легко – цена желаний всегда оказывается непомерно высока. Но желать все равно нужно, чтобы продолжать жить. Это как вдыхать аромат цветов мандаринового дерева, помнить о плодах, которые появятся на их месте, но стараться не думать, какими они будут на вкус: кисловатыми или сладкими?..

Отстранялись от всего, что приносит боль, – сумели, почти талант. Нет, это не игра в кошки-мышки с обстоятельствами, а скорее всего способ круговой обороны от всего, что пропускает в дом подлые сквозняки. Знаете, это можно и нужно – сохранять теплоту души, не обманываясь слепым декабрьским солнцем. Пусть внутри всегда будет теплее, чем снаружи.

Я никогда на холоде не снимала перчаток с рук и не разрешала ему разматывать шарф с шеи. Мы всего лишь береглись, а не защищались-предохранялись. Чтобы сохранить любовь, не надо полагаться на иммунитет. Лучше «одеться по погоде», перестраховаться, подальше обойти все места, грозящие риском, проложить самый безопасный маршрут, дабы потом не констатировать с сожалением, что «пиздец, как всегда, подкрался незаметно»...

* * *

Я так давно хотела переключить приевшийся канал, обновить устаревшие базы, отложить неинтересную книгу. Была настолько уставшей, что готова была не просыпаться, не начинать, не продолжать и даже не останавливаться. Мне не доставало смелости обрубить, перекрыть то, чем долгое время вынужденно жила. Вынужденно и по своей воле. Я не жаловалась близким и друзьям – со временем мои странности они списали на изменения в характере. А я так же раз в месяц впадала в недельную спячку, практически не покидая постели. Мне звонили, спрашивали, беспокоились, а я на сонном автомате отвечала: «Я сплю, позвоните потом, потом...»

Так и жила, разменивая крупные сожаления на мелочь, перекрашивая волосы из чайного в кофейный цвет, извлекая по кристалликам надежды из отчаяния. Я не считаю тот период каким-либо проходным, урожайным на междометия неожиданных последствий. Он если и мизерному меня научил, то от многого дурного отучил. Сейчас и, надеюсь, больше никогда не стану выкуривать по две пачке сигарет за день, напиваться временем без закуски и меры, маскировать капризами слабых характерность, а виртуальными комплиментами утешать самолюбие.

Но беспросветным прошлым я себя не истязала. Наоборот. У меня даже любовь к самой себе обострилась. Перешла на травяные чаи, полувегетарианское питание, девятичасовой сон, стала делать желатиновые маски. Я ходила на интимную стрижку, не подпуская к себе никого, кроме собственных пальцев. Я начала учиться ориенталю, не показывая достижений никому, кроме домашнего зеркала. Я записалась на курсы вождения, не имея желания выезжать за пределы нашего спального района. Полная сосредоточенность на себе, концентрация на своих реакциях – что это было, бабий психоз или поиски цельности в эгоизме? Не знаю...

Потом появился он. На этом месте – фантазия, воздержись от полетов! – повествование могло бы круто поменяться. Но нет, своим появлением он ничего не изменил, не под-

хватил меня сильной рукой и не посадил на своего бравого скакуна, как предсказывает зачитанный до дыр сценарий, белого цвета. Все было не так эффектно и удивительно просто. Он появился и просто обнял меня. И, аккуратно собираясь в теплый клубок в этом душевном объятии, я неожиданно убедилась в том, что полностью выздоровела.

«Теперь, наконец, снова смогу полюбить!» – подумала я, осознав, что, наконец, настроилась на ту волну, которую давно искала. Приняла картинку, окружающую меня, согласилась с отражением в зеркале. Как сказала моя тонко чувствующая подруга Аня, «он завершил точкой бесконечный поток твоих высказываний». По-моему, это большое дело – в нужном месте поставить точку в тексте, не изучая его содержания. По-моему, это и называется принять человека таким, какой он есть. Он полюбил меня категорически, разрешая меняться, и вместе с тем не отказываясь от той, какой я была прежде...

Возможно, это и не была прописанная в сценарии роковая сцена. Не исключено, что это была счастливая импровизация. Я, нет никаких сомнений, нашла бы силы жить дальше – «я все стерплю, я сильная, поверь». Рано или поздно вырвалась бы из замкнутого круга ожиданий. Съела бы недозрелые персики, но не осталась бы голодной. Много из того, к чему мы готовимся или готовы, попросту не происходит. Судьба, хамка трамвайная, предпочитает не лишать жизнь эффекта неожиданности. Преподносит либо то, что лучше предполагаемого, либо на порядок хуже. Вот он пришел, и получилось все легко. А может, наоборот, – пьеса усложнилась по ходу действия?..

* * *

Мы могли час ругаться, а на третьей минуте второго часа начать целоваться. Легко разгоняли туман недоразумений, избавлялись от привкуса обид, быстро отогревались после ледяных слов. Часть эмоций выплескивали наяву, остальные выражались в четных снах. У нас даже не было никакого особого умения противостоять конфликтам – но все разрешалось само собой.

Если ругаться начинали на кухне, там и мирились. После кучи обидных слов я могла, наливая себе крепкий чай, вдруг как ни в чем не бывало предложить ему: «Тебе наливать? Пять кусочков сахара?» Он пил всегда черный чай и непременно сладкий, очень сладкий. «Да...» – соглашался он, и сквозь угрюмость уже сквозила сдержанная улыбка. Спустя пять минут он целовал мои запястья, а еще спустя десять – мы варили белые свиные сосиски, дергаясь под зажигательную «No stress» Лорана Вулфа у борта газовой плиты.

Конечно, в течение следующих нескольких дней мы припоминали друг другу словечки, сказанные в порыве эмоций. Не для того, чтобы выплеснуть остатки обиды, а так просто, пощекотать нервы. Адреналин иногда полезен. Обновляет...

На просторах нашей любви играли в догонялки. Ты бежал за мной, я бежала за тобой, затем оба навстречу друг другу. В итоге добежали до единого объятия – целого мира, построенного четырьмя руками. На его территории я перестала бояться того, что обо мне никто не спросит, обо мне, девочке, просящей счастья. На его территории ты перестал убегать вдаль от самого себя и томиться в ожидании момента, когда станет легче. Нам хватило сил дойти друг до друга, но не хватило терпения простоять долго-долго, не разомкнув объятий. Может, я утрирую?..

Мне было страшно от одной мысли, что чувство, накопившее нас в одну миску, перерастет в зависимость. Поэтому, уезжая в командировки, я покидала квартиру немymi шагами, не позволяя, чтобы ты целовал уголки моих мокрых глаз. Не хотела услышать: «Мне будет не хватать тебя...» Что значит «будет»? Я не хотела, чтобы так было.

Наверное, слишком возносила, возношу тебя. Вряд ли ты побежал бы за мной, зная, что я вернусь. Смотрю правде в глаза: ты любил меня, но при этом все же был голден-боем, который оставался «у себя единственным» и никогда не поднимал упавших ложек, опрокинутых бокалов. Наверное, не ты один такой. Наверное, все мужчины такие. Наверное, мужчины любят именно так, после себя. И хрупкие надежды женских сердец испокон веку погибают в луженых мужских желудках. Женщинам удастся только слегка сдвинуть горизонты мужчин – чуть правее, тогда как тех тянет налево...

В моем мире не осталось мест, которые не были бы названы твоим именем. Повсюду отпечатки твоих шагов, неподвластных накрахмаленным метелям. В это трудно поверить, но я захожу в нашу любимую «Панчо пиццу» на Бутырской и даже там улавливаю твой запах, наполненный южной осенью, временем вспять... Я бы крикнула тебе: «Не отпускай», но спазм сдавил бронхи. Почувствуй меня без слов. Еще разок. Ну пожалуйста...

* * *

До него я, обожженная поступками мальчиков-растеряшек, думала, что не любить, в принципе, удобнее, чем любить. «Зачем быть скованными одной цепью, если можно летать туда, куда тянет, а не туда, куда нужно?» – размышляла я, всерьез подумывая объявить себя лесбиянкой. Ну, как минимум на сердечном уровне. Чувствовала себя настолько уставшей, выпотрошенной, что даже столь явная крайность провоцировала мою решительность.

Готова была взобраться на самую высокую вершину мира и лет десять обитать там, не задумываясь о пути назад. Это не было бы депрессивным самозаточением. Мне необходимо было залечить ожоги, запить горечь разочарований ромашковым чаем, отдохнуть от потоков мужских признаний, самоотверженно принимаемых мной, вслепую. В жизни женщин наступает период, когда бывшие возвышенные дурехи превращаются в закаленных реалистов. Добро пожаловать на землю! И женщины, как правило, ступают по ней с некогда подбитыми, зажившими, но больше не используемыми крыльями. Поэтому каждая из нас, вне зависимости от опыта и интеллекта, ждет того, с кем захочется снова вспорхнуть, раскрыть карту «мира над головой» и вспомнить местоположение неба №7...

Честно говоря, я сама удивляюсь, как смогла пережить те состояния внутренней невосомости. Старшие подруги смеялись над моим болезненным восприятием мужских диалектов, советовали меньше слушать Земфиру, отказаться от шоколадного бисквита перед сном, утверждая, что поиск – это выбор с непременно разведением и проверкой на «вшивость». Я кивала им, обещала измениться (признаюсь, мне тогда хотелось променять душевность на циничность), а по дороге домой, в переполненных вагонах метро, украдкой заглядывала в глаза мужчин, на подсознательном уровне желая разглядеть того самого. Своего.

Сейчас мне кажутся смешными мои бывшие небылицы в розовом. Я не стала московской сучкой с программой «лучше плакать в салоне лимузина, чем в телефонной будке». Просто я окончательно и бесповоротно убедилась, что у любви нет фиксированного времени

прибытия. Не надо стоять на перроне, пытаясь влезть в любой подъехавший состав. Следуйте расписанию своего сердца...

Мне удалось выбраться из лабиринта похожих дней. Немаленькая победа для женщины. Думаю, в качестве вознаграждения за отвагу я нашла того самого. К моменту его появления я, как уже не раз отмечалось, находилась не в самом лучшем состоянии – ну а какими, интересно, будут цвет лица, маникюр, прическа после схватки с отчаянием? Но я доверилась, позволила ему выходить себя, и он выходил. За что благодарность моя будет всегда окружать его светлым облаком, какими бы ни были последствия наших танцев в любую погоду...

Есть любовь безбашенная и степенная. Первой, в отличие от второй, отпущено непродолжительное время цветения. Но какой бы ни была любовь, быстро увядающая или долго цветущая, важно суметь пересадить ее из области фантазий, порывов в почву ежедневной осязаемой жизни. Хотя так жаль, что в любви не найти золотой середины...

* * *

Ты просил не снимать желтую майку, в которой я любила спать. С детства пижамы внушали отвращение: мне бы чего-нибудь полегче, не ограничивающего свободу движений. Тебе он безумно нравился – этот выцветший, растянувшийся кусок хлопчатобумажной ткани цвета февральского солнца. «Ты в ней такая уютная...» Я тоже была в нее влюблена – в эту мягкую оболочку на два размера больше, преданную спутницу в одинокие и счастливые ночи. Казалось бы, обычная майка, купленная за два доллара в каком-то непримечательном магазинчике. Но между ее нитями, на потрепанном лейбле, в прорезях строчек или волнистом горлышке жило столько чувств, запахов, кристаллов снов, что ни один стиральный порошок не смог бы вывести их. Я и не хотела – это частичка моей маленькой женской истории.

Ты бережно снимал ее с меня, задыхаясь от страсти, боялся повредить, словно в твоих руках оказалось мое сердце. Наверное, желтая майка была безумно счастливой – обогрета с обеих сторон любовью сразу...

Никогда я не держалась за что-либо материальное – преходящие ценности. Но почему-то за желтую майку переживала – боялась порвать, испачкать (обожаю есть шоколадное масло перед сном). В этой майке было что-то такое, что удерживало наши орбиты рядом. А может, она была таинственным любовным талисманом, принявшим самый тривиальный облик?..

Когда мы покупали одежду, я вертелась перед тобой, хотела нравиться. Ты безучастно говорил «да, очень идет», каждый раз добавляя: «В желтой майке ты мне больше нравишься...» Я обижалась, просила не сравнивать, в порыве возмущения заявляла: «Ты хочешь видеть меня только в старье, в какой-то тряпке за три копейки!» Ты молчал, не отрывая взгляда от очередного футбольного матча.

Я швыряла обновки в сторону, уходила в спальню, ныряла под одеяло, плакала, обнимая мою желтую подружку китайского производства. Майка преданно впитывала-утирала мои пересоленные слезы, целовала-ласкала мои щеки короткими, но широкими рукавами и в очередной раз доказывала свою верность. Я плакала не из-за обиды на тебя, а скорее из-за

какого-то стыда перед майкой. Как я могла обзывать ее дешевой тряпкой? «Прости, дорогая моя, прости...»

Майка хранила сочувственное молчание, превратившись во влажный, помятый клубок в моих руках... Иногда думаю, я ревновала тебя к майке. Какая глупость, но... Ты же говорил, что я тебе больше нравлюсь именно в желтой майке, а не обнаженной, к примеру. Женская ревность (глупость?) быстрее доходит до сумасшествия, чем мужская. Прости меня, майка. Я не со зла...

* * *

Ты утверждал, что я отважная. «Смогла пойти мне навстречу, пустила в свое сердце...» Сам же порой становился настолько сентиментальным, что я с трудом тебя узнавала. Неужели это говорит приверженец безудержной легкости в отношениях, жизни «без болливудских драм»? Не хочу сказать, что ты был бесчувственным. Ровно наоборот. Но оттого ли, что мало говорил, оттого ли, что у твоих чувств было сдержанное проявление, – питалась твоими прикосновениями. Их было достаточно, чтобы спешить к тебе, обгоняя рассветы...

Выплакала немало слез на плече Москвы. Да, было время, когда я не стеснялась своей слабости, – не могла проглотить ком, подступивший к горлу и расположившийся у кромки дыхательных путей. И я плакала, пряча слезы под большими темными очками, – в метро, электричках, переходах, на автобусных остановках и в самих автобусах. Только шмыгающий нос выдавал – надеюсь, окружающие списывали такое поведение на простуду. Хотя меня мало интересовало, кто и что подумает. Стесняться собственных слез – значит не признавать свои чувства. Самое главное – перед самим собою...

Меня призывали стать сильнее. Мне удивлялись, мол, как ты еще не научилась лить слезы, ведь «Москва по-прежнему в них не верит, детка». Я отвечала, что плачу не для того чтобы добиться результата, а от горечи, из-за обстоятельств, не зависящих от точки моего положения в пространстве, и уходила сушить феном носовые платки. Почему-то пользование бумажными салфетками делает событие эпизодическим, случайным, как досадный насморк, и не привносит в утирание и сморкание того надрыва, что дают наши верные, душевные платочки...

Я психически окрепла как-то незаметно, скорее, неожиданно. На развилке очередных испытаний осознала, что уже реагирую на боль не так остро, как вчера, и уже выбираю путь преодоления без трясущихся коленок. Прошел драматический возраст или трусишка в конце концов закалилась?..

Научилась смотреть на колкие выпады как на проявления слабости, перестала переживать макаронины-переживания, сменила угрызения совести на разочарование в лучших человеческих качествах. Конечно, я все так же болезненно переносила несправедливость, познавала счастье через грусть. Но все внутренние процессы стали протекать как-то спокойнее, тише, без неконтролируемых выплесков...

До твоего появления я дала себе слово больше не пускать посторонних в сердце, какое бы доверие они ни вызывали. Страх перед любовью возникает после того, как ты на собственном опыте узнаешь, что томящей тревоги и пронзительной грусти в любви все-таки

больше, чем радости. И вот думается, что позволять себя любить намного выгоднее, чем любить самому...

Но ты убедил меня в обратном, наверное, сам того не зная. Увидев тебя, я сразу забыла обо всех клятвах, данных себе. Опять отдалась потоку чувств, ни на секунду об этом не пожалела. Вместе с тобой пришли и силы. Только сейчас ругаю себя, что после твоего прихода забыла запереть входную дверь. Ведь следом за любовью являются сомнения – самые непрошенные, нахальные гости...

* * *

Я хочу научиться смотреть на время, не сравнивая; двигаться вперед, не оглядываясь назад; ценить то, что есть, в его самобытности; просто жить настоящим, самой поверив в то, что иногда чудеса случаются; запретить себе думать о ловушках, последствиях; перестать бояться; но главное: не сравнивать.

* * *

Я не знаю, где мы оступились, в чем наше упущение. Не перематываю пленку назад, чтобы поймать тот самый момент иссушающего равнодушия, разглядеть ту самую первую трещинку – с нее все и началось. В мои глаза попали осколки ледяного зеркала, и кольнуло в сердце. В какой-то момент, в момент всплеска боли, я не могла посмотреть в твои глаза.

А что в них было? Наверное, щемящее ожидание того рубежа, за которым доля свободы оказывается меньше, чем даже полтоски... Не такими уж легкими были наши отношения, как нам казалось. За простотой скрывается много подводных течений, я понимала это, но не хотела вникать. В предыдущих своих отношениях я столько думала, столько вникала, что, встретив тебя, решила разом отделаться от прошлых привычек. Я поверила в легкость... Не напрасно ли?..

* * *

Я вылавливаю в YouTube эпизод из «Вечного сияния чистого разума», там, где он говорит ей: «У меня нет воспоминаний без тебя...» Совсем недавно я тебе сказала такие же слова. Это чистая правда, но я убедилась в этом черт знает какой раз. Ведь столько было всего – и как отрезало. И у меня действительно больше нет воспоминаний без тебя, хотя век нашей любви был совсем не веком...

* * *

Спрашиваю себя: «В чем причина?» Не нахожу определенного ответа. Просто что-то остановилось, выгорело, остыло, потухло или стерлось. Да что угодно, можно подобрать сотню сравнений. Факт остается фактом: нас нет. Есть я, есть ты – по отдельности. Когда я вижу тебя онлайн, я понимаю, что люблю тебя безумно, что готова целовать экран, на котором просто есть твое имя. Когда не вижу тебя в сети, воображаю тьму разных событий, которые могли с тобой приключиться, большей частью почему-то трагических... Все понимаю, все-все, но ничего сделать не могу. Будто что-то умерло. Во мне. И в тебе, кажется, тоже.

Ты же тоже не пишешь. Хочешь молчать? Хочешь разглядеть будущее? Интересно, ты меня все еще любишь?..

* * *

«В моей жизни было много несчастий, и некоторые из них действительно имели место». Так шутил Марк Твен. Но мне не до шуток. Я не жалею о том, что прошла, перенесла. Много поражений осталось позади – и это хорошо. Думаю, немало их будет и впереди. Но, знаешь, каждый раз, когда страх одолевает, я закрываю глаза и уношусь к тебе. И не важно, что уже ты не со мной. Мое сердце – место наших иллюзорных встреч. Там нет замкнутых пространств, расчета на завтра, безапелляционных решений, прощальных прикосновений, прокисшего прошлого. Там мы наконец получаем свободу, на которую каждый имеет право... Я вообще-то люблю тебя невозможной любовью.

* * *

Когда-то я просила разрешить обнять твои прохладные колени в промозглой тишине. Сейчас в такой же тишине у меня просьб не осталось.

* * *

Вот, я шла к любви через всю жизнь, позволяя себе передышки у брусничных кустов. Я добралась до нее уже не такой, какой была на старте пути. С печальной улыбкой, в которой отражались многочисленные неудачные опыты, с потеками туши – клейма моей женской несвободы, с тяжестью спонтанных решений за спиной, с наивным бредом пересоленных дней в голове. Я была уже не такой, какую ты мог бы мальчишкой увидеть во сне. Я снилась тебе? Нет, скорее всего совсем не снилась. Мужчины не видят во сне то, что получают в реальности. А ты же у меня был такой сытый, облаканный любовью холеных девиц... Когда-то я согласилась на тебя нынешнего. Когда-то я согласилась принять твою разбросанность, снисходительность, резкость. Я тебя полюбила таким, каким ты есть, а не был. Другим тебя я не знала, не хотела знать...

Я засыпала в твоих ногах, как приبلудная собака. А ты сгребал меня прямо на пороге моей квартирки, на пыльном полу, не успев раздеться и раздеть меня. У нас было так мало времени и так много желаний. Ты еще пытался как-то длить мгновение, но я, дрожа от нетерпения, истекая соком желания, горячо шептала, извернувшись, прямо в ухо: «Разорви меня! Быстрее!» Я сходила с ума. Я не хотела врать самой себе. Я кричала о том, что люблю. В остальных случаях мы, женщины, слишком часто отмалчиваемся, переполненные чувствами, – чтобы не расплескать...

Теперь все прошло. Больше нет смысла перелистывать страницы назад. Теперь я не боюсь поражений в немой борьбе без тебя...

* * *

Вчера позвонила тебе. Вроде неплохо поговорили. Но эти паузы между каждым сказанным словом. Холодные. Шуршащие. Убивающие всякую теплоту в сердце. «А я уезжаю...»

– «Надолго?» – «Не знаю. Пока не знаю...» – «Наверное, так будет лучше, родная...» – «Я тебе уже не родная... Скорее всего...» – «О, не начинай!» – «Нечего начинать... Ты там береги себя...» – «Буду. И ты... Во сколько улетаешь?» – «Какая теперь разница... В 14:10. Из Домодедово...» Зачем я аэропорт-то назвала? Все еще надеюсь, что ты примчишься, прорвешься сквозь все контроли, закричишь: «Вернись!» Как в романтической картине. Обнимешь меня, и мы вместе порвем билет...

* * *

Я полюбила пустые страницы. Уже которая по счету. Буду оставлять их незаполненными, исписанными невидимым «люблю». Вся любовь сердца пусть изливается на пустых страницах дневника...

* * *

Оказывается, большую часть дневника я написала в прошедшем времени. Итак, все уже решено...

* * *

У меня в груди связка воздушных шариков, на которых так легко взлететь, которые так легко проколоть... Кажется, второе вероятнее...

* * *

Перелистываю страницы в обратном порядке. Неужели все, что я написала, лишь фантазии, самообман, красивые слова, рожденные небывалым чувством? Какой бы ни была развязка нашей причудливой истории, этот дневник я оставлю здесь, в аэропорту. Просто «забуду». Мне нужно стать реальнее. Еще реальней...

* * *

Почему именно мне нужно идти дальше без героя моего романа? Догонит ли он меня за поворотом? А вдруг догонит через много лет? Или просто забудет вообще?

А вдруг – больно даже думать – ты не мой герой?!

* * *

Как там пелось в песне? Мне бы просто знать, что где-то ты живешь, – и, клянусь, мне большего не надо...

Мне б хотя бы мельком повидать тебя – и, клянусь, мне большего не надо.

Кажется, это из той же песни? Или я сама это придумала?..

* * *

Пью давно остывший чай. До отлета еще 50 минут... Тяну время. Я тебя жду. Пора признаться.

* * *

Это ты идешь или... мне кажется?

* * *

...

Москва, 2008–2009

Любовь со дна Босфора

Роман

*Тому, кто не влюблен,
жизнь — не жизнь.*

Назым Хикмет

Если вы чувствуете себя счастливым, не анализируйте вашего счастья. Это было бы все равно что раздробить красивую бабочку для того, чтобы лучше видеть ее красоту.

Паоло Мантегацца

Давайте не будем принимать на веру, что жизнь полнее проявляется в том, что принято считать большим, чем в том, что принято считать малым.

Вирджиния Вулф

*Я люблю тебя тоже...
Всем отчаявшимся посвящаю
С благодарностью отцу, маме и брату*

Пролог

За три месяца до описываемых событий

...Провожает в аэропорту. Надела темные очки. «Глаза чешутся от солнца. Аллергия...» На самом деле – скрывает слезы. Какой бы сильной ни была женщина, она имеет право на слабости... Прячу эмоции. Говорю звонче, непрерывно курю. Сигареты отвлекают. Хорошая мина при плохой игре. Тем временем нутро обжигает боль расставания. Не хочу уезжать. Не хочу покидать Стамбул. Выбора нет: я – гражданин другой страны. Скоро все изменится...

Время прощания. «Милая, подожди чуть-чуть и будешь встречать меня здесь. Каких-то несколько недель... Но что значит время? Преодолеем все. Вместе навсегда... Не забывай». Опускает голову. «Я знаю. Я помню. Я буду ждать. Всё-всё, не буду плакать. Удачи и... будь осторожен с баклавой, чтобы сироп не вытек». Не смотрит в глаза. «Иди, я прошу, иди...» Ухожу. Неуверенным шагом. Надо идти. Если остановлюсь, сорвусь. До недоступной для провожающих зоны два шага. Еще пару секунд... Стук каблучков за спиной. Оборачиваюсь. Зейнеп подбегает ко мне, прижимается изо всех сил: «Прошу, возвращайся скорее...» Целую любимую. Из-под ее очков бегут слезы...

* * *

Натянутая пружина верности может ослабеть в любой миг. Какой бы крепкой ни была. Тогда мостик любви через реку времени разрушится, отколовшиеся камни былой веры унесет потоком. Туда, где любовь сменяется отчаянием... Любящие сердца выдержат разлуку только с помощью веры. Вера – это яркая картинка в мыслях. Каждую минуту ее надо пред-

ставлять перед глазами. И верить душой. Лишь так можно дожидаться, увидеть тот самый парусник на горизонте...

Когда она радуется от души, плачет слезами счастья: дрожат в уголках глаз, не стекают по щекам. Промокает их салфеткой. «Боюсь сглазить слезами наше счастье». Всего пару раз я видел Зейнеп плачущей. Один раз, когда ее маме поставили страшный диагноз – злокачественная опухоль. Зейнеп, призывая Гёзде-ханым¹ обследоваться в других клиниках, на мгновение опустила руки... Обошлось. Диагноз оказался ложным. Врача, проводившего первое обследование, уволили. Гёзде-ханым, слава Аллаху, жива-здорова...

Уткнувшись лицом в подушку, заплаканным голосом говорит, что устала быть сильной. «Пойми, я не железная. Не хочу делить тебя с городами. Оставайся! Плевать на документы, воинскую обязанность... Я устала быть терпеливой. Надоело. Буду кричать, требовать. Добиваться тебя. Добиваться нашей любви. Убью тех, кто станет между нами. Устала. Устала. Уст...» Ресницы слиплись от слез, глаза покраснели, нижняя губа распухла от нервных покусываний. Кричит в подушку. Подушки преданно разделяют с нами грусть, ничего не требуя взамен. Я молчу. Что сказать? Любовь не может существовать вне быта. Стою на коленях. Трюсь лицом о ее спину, вдыхаю запах, прикасаюсь губами к бархатной коже. «Милая, ты же знаешь, я вынужден. Пока не можем всегда быть вместе. Думаешь, мне легко? Разрываться между двумя городами, писать книгу нашей любви без твоих губ, без чая с гвоздикой, заваренного твоими руками? Испытания...»

Встает, откидывает волосы с мокрого лица. Обнимает. Тыльной стороной ладони вытираю ее слезы, нашептываю на ушко нашу клятву: «Вместе навсегда... Родная, ты не забыла? Повторяй вместе со мной». Плачет. Чувствую теплое, прерывистое дыхание на шее. Руки Зейнеп проникают под рубашку, скользят по моей спине. «Навсегда... Навсегда... Вместе... Помню...»

Созваниваемся ежедневно. Для нас не помеха гнетущее расстояние, разные часовые пояса, счета за телефонные переговоры, разряженные трубки мобильных. Живем мгновением. Иногда болтаем ни о чем или молчим. Главное – слышать дыхание друг друга. Разве слова могут быть важнее?..

Каждый день благодарю создателей «всемирной паутины». На моем ноутбуке установлены практически все существующие программы-«болталки»: ICQ, Skype, MSN, Yahoo Messenger. Самый важный человек в контакт-листах – Она. Распечатываю стенограммы бесед, читаю в метро, на улице, дома. Лучшая книга из существующих. «Aşkım² (14:53:22 25/02/2007): Мишуня, сегодня купила в «Мигросе»³ зеленый виноград... Твой любимый... Сочный, с кислинкой... Приготовила салат. В Баку, кажется, виноград тоже круглый год в продаже?! Так вот, сегодня же купи, приготовь по моему рецепту. Вкусно и без возни. Запоминай... Нарезь листья салата, ягоды винограда. Сверху посыпь натертым белым сыром. Полей оливковым маслом, яблочного уксуса капельку, пол чайной ложки лукового сока. Поперчить не забудь!!! Как приготовишь, скинь эсэмэску. Я поскакала обедать. Вечером идем с Айдынлыг к ветеринару, будем делать ей маникюр... Целую...»

Временами она исчезает из поля зрения. Горячо любимый ник погружается в режим «не в сети», мобильный «вне зоны доступа», городские номера постоянно заняты. Перестал волноваться. Раньше сходил с ума. Однажды даже чуть не сорвался в Стамбул. После объяснения Зейнеп успокоился: «Иногда силы бороться дальше иссякают. Тебя не хватает. Впадаю в депрессию. Ухожу в себя, пытаюсь собраться духом. Слушаю наши песни, хожу в

¹ Ханым – уважительное обращение к женщине на Востоке.

² Любимая (турец.).

³ Сеть турецких супермаркетов.

наши кафешки, готовлю *наши* вкусности. Представляю себе, что ты рядом. Что я не одна... Помогает». Как только я замечаю исчезновение любимой, закидываю ее эсэмэсками. Всегда с одним текстом: «Вместе навсегда... Повторяй за мной».

Часть I

Любовь во времени

*Ведь стан ее – что кипарис,
перед ним робеет райский страж,
Я раб ее, она султан,
владыка вездесущий мой.*
(Строки из газели Низами Гянджеви.
Перевод Вс. Рождественского)

1

...Любовь, пережившая расставание, вознаграждается вечностью...

Раньше старалась не провожать, не встречать в аэропорту. Наш уговор. Создаем ложную видимость для самих же себя. Видимость того, что провожать или встречать нет необходимости, так как я покидаю Стамбул ненадолго. Самоуспокоение, оправданное нежеланием смотреть правде в глаза. Правда нашей любви омрачена бесконечными перелетами. В действительности я уезжаю не на недели – на месяцы... В этот раз заявила, что будет и провожать, и встречать меня. Вопреки боли. «Дорожу каждой секундой рядом с тобой...» Соглашаюсь, в душе сильно волнуюсь – встречаться все-таки легче. Сможем ли мы вынести очередное прощание? Не хочу думать о грустном. Сегодня возвращаюсь в Стамбул...

«Уважаемые пассажиры, наш самолет через несколько минут совершит посадку в аэропорту Ататюрка... Температура воздуха в Стамбуле +32...» От волнения сводит желудок. Будто в первый раз прилетаю сюда. Через считанные минуты увижу ее. Приземляемся. Смотрю в иллюминатор. Сонное августовское небо, суматошный аэропорт, отдыхающие на стоянке лайнеры. Где ты, Зейнеп? Пытаюсь разглядеть хрупкую фигуру моей половинки, хотя понимаю, здесь ее быть не может. Она – на том самом месте. Нашем месте. У главного выхода из аэропорта, левая сторона, крайний синий столб. На нем три года назад красным фломастером нарисовали две маленькие букочки, E + Z. Инициалы до сих пор там, не закрашили. Удивительно. Какая-то магия или их просто не заметили?..

Кажется, старею. Иначе чем объяснить излишнюю сентиментальность? Побочная реакция разлуки? Результат долгой тоски? Выхожу с чемоданами. Тяжелыми. В них – подарки. Пробираюсь сквозь толпу туристов, приехавших в город души провести заслуженный отпуск. Ищу глазами место встречи. Приближаюсь. Вот они. Слава Аллаху. Трое. Зейнеп, Айдынлыг на поводке, Шинай. Замираю. Хочу разглядеть их на расстоянии. Не получается. Картинка размылась. Плачу...

Жадно целуемся. Вокруг полно народу. Наплевать. Поцелуй с соленым привкусом. Губы влажные от стекающих слез. Вдыхаем запахи друг друга. Она по-прежнему пахнет весной: поры нежной кожи источают аромат тюльпанов. Говорит, мой запах тоже прежний. Крепкие сигареты, одеколон с морским дыханием, какой-то предвечерний холодок – невидимый глазу налет на моей коже. «Готова стоять с тобой в обнимку все дни, месяцы, годы!» Отшучиваюсь: «А нельзя сменить положение на горизонтальное?» Она улыбается: «Слушай, Баку тебя портит! Ничего, займись твоим перевоспитанием... Скучала. Очень-очень».

Шинай умиленно смотрит на нас. Плачет. Обнимаю мою славную редакторшу: «Хватит лить слезы, дорогая. Лучше скажи, что ты приготовила в честь моего возвращения?..» Приподнимает очки в роговой оправе. Вытирает слезы. «Уже не плачу. Всё-всё... Вот смотрю на вас... злюсь... Почему Аллах испытывает вас разлуками?» – «Наверное, так надо...» Айдынлыг радостно виляет хвостом в предвкушении наших прогулок по набережной...

«Пежо» Шинай плывет по трассе. Расположились с Зейнеп позади. Айдынлыг – на переднем сиденье. Высунув голову из приоткрытого окна, наблюдает за проезжающими машинами. Едем домой, в родной Ортакей. За окном Босфор. Машет мне. Я посылаю воздушный поцелуй кланяющимся волнам. Тихо играет радио. Сердар Ортадж⁴ поет грустную «Mesafe»⁵. Одна из наших с Зейнеп песен. Как хорошо, что сейчас я слушаю эту песню рядом с ней, а не в компании разъедающего одиночества... Любовь, пережившая расставание, вознаграждается вечностью.

Она сообщает, что завтра приедет тетушка Нилюфер. Повидать меня. «Тетушка беспокоится за твой вес. Вчера по телефону обсуждала со мной список самых жирных блюд турецкой кухни – грозила, что быстренько приведет тебя в форму... Кстати, мишуня, ты действительно похудел. Почему? Как моя вторая мама допустила такое?» Шинай поддерживает любимую: «Не волнуйся, Зейнеп – мы объединимся с Нилюфер. Устроим, так сказать, двойной обстрел...» Обе хохочут. Наслаждаюсь солнечной улыбкой Зейнеп. Не хочу говорить, что похудел от тоски...

«Видела вчерашний пост в твоём блоге, ты в нём прощаешься с друзьями перед отъездом. Кстати, тебя читают красивые русские девушки – я полазила по журналам тех, кто оставил комментарии. Интересно, как они относятся ко мне?» – «Ну разумеется, они тебя любят! Столько ведь писал о тебе... А ты ревнуешь?» Обиженно отворачивается, но через несколько секунд взрывается смехом: «Конечно нет! Они ведь твои друзья...» Она ждала меня с самого первого дня лета. Признается, что сердилась, так как я смог вырваться в Стамбул только в августе. «Теперь уже не злюсь... Ты ведь рядом...»

Шинай прибавляет громкости Сердару Ортаджу, приглашая спеть вместе. Поем, жутко фальшивя: «Yüreğinden yaralı bizim hikayemiz... Kaderimden kalanı silsem de gitmiyor... İki sohbet aralı bütün mesafemiz... Geldim, anlamıyor»⁶...

2

...В любви становишься чуточку эгоистом. В любви трудно соотнести душу с разумом...

Нам не нужны слова, предложения. Точки или запятые. Эсэмэски или имейлы. Признания или откровения. Во всяком случае пока. Мы счастливы в настоящем, здесь и сейчас. Не смотрим в прошлое, не заглядываем в будущее. Держим друг друга за руки. Ее рука в моей руке. Холодная ладошка, влажно-скользящая. Моя рука в ее руке. Кожа моих рук немного сухая. Нет необходимости в увлажняющих кремах: достаточно погладить ее бархатно-персиковые щеки, и кожа смягчается, и сердце тает, как фруктовое мороженое. От жара любви...

⁴ Турецкий поп-певец.

⁵ «Расстояние» (турец.).

⁶ «Наша с тобой история ранена в самое сердце... Но если бы я и попытался избавиться от того, что осталось от моей судьбы, ничего не получилось бы... Все расстояние между нами заключается в двух беседах с перерывом... Я вернулся, но она не понимает...» (турец.)

Не можем уединиться – квартира полна гостей. Празднуем мое возвращение в Стамбул. Тетушка Нилюфер тайком подкармливает прожорливую Айдынлыг, которая разлеглась под столом. Красноречивая Шинай делится со мной последними светскими сплетнями Стамбула, при проскальзывающих матерных выражениях зажимая ладонями уши дочери. Гюльбен забила в темный угол гостиной, внимательно наблюдая за мной и Зейнеп. Рисует нас отточенным карандашом на плотной белой бумаге. Мустафа с Альпером, как всегда, зависли перед телевизором, забыв обо всем на свете. Болеют за «Фенербахче»⁷, поругивая комментатора за чрезмерную болтливость... Я стараюсь уделить внимание каждому: они – частички моей стамбульской мозаики счастья. Соскучился по ним. Еще больше соскучился по ней.

В любви становишься чуточку эгоистом. Трудно соотнести душу с разумом – они могут существовать в одном мире, но отдельно друг от друга. Моя любовь к ней не может быть сплетена с чем-либо другим, кроме ее любви...

Пока гости увлеченно что-то обсуждают в гостиной, на пару минут сбегает на кухню. Незаметно ото всех. Прижимаю любимую к стене, впиваюсь в родные губы. Вzbесившиеся ритмы сердец заглушают звуки из гостиной: не слышим, не видим ничего, кроме самих себя. Она ласкает языком мои горящие уши. Не могу остановиться. Шепчет: «Мишуня, пора возвращаться к ребятам...» Реальность, умоляю, исчезни! Спрячь нас на время. Хотя бы на десять минут... Приближающиеся шаги. Звон посуды. Голос Шинай. Она убирает со стола – готовится ко второй части вечера: кофе, десерт, фрукты. Вот-вот появится на кухне. Зейнеп целует меня в губы, отбегает к плите, застегивает рубашку. Приглаживает волосы. Как я хочу ее! Прямо здесь. В маленькой душевной кухне, пропитанной запахами еды, заставленной горами посуды...

Каждый раз, возвращаясь в город души, понимаю, что не могу жить без нее. Вне Зейнеп существую, доживаю, превращаюсь в тень. Когда-то говорил, что смирился с нашими периодическими расставаниями... Вранье. Самоуспокоение. Я не могу жить без нее. Это не зависимость, другое. Мы словно сиамские близнецы, которым суждено быть всегда вместе. Нашу любовь невозможно разделить хирургическим путем. Правда, пока Судьба испытывает нас разлуками. Ничего, выстоим...

Без нее я – комок депрессий, грусти, неудач. «Без тебя, мишуня, я не я. Оболочка, привычная для окружающих, но с выпотрошенным нутром». Зейнеп – мой эликсир жизни. Когда между нами тысячи километров, она подпитывает меня эсэмэсками – глюкозой надежды. Эсэмэски эти – всего лишь крошки огромного аппетитного пирога. Вынуждены довольствоваться крошками, веря, что скоро нам достанется и большой кусок на двоих...

Завтра останемся одни. Гости разойдутся уже за полночь. Гюльбен в 11 утра возвращается в Анкару, где учится в Художественной академии. А тетюшка Нилюфер едет навестить сестру... Отключим телефоны. Замуруем окна, двери. Подарим себя друг другу. Окунемся в нашу общую сказку – сказку, в которой побеждает любовь, во что бы то ни стало... Сольемся в одно целое. В океане любви будем купаться всю ночь и, утомленные, уснем на рассвете...

⁷ Турецкая футбольная команда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.